

(Не)фиктивная ЖЕНА

НАДЕЖДА ЧАРОДЕЙСКАЯ

Надежда Чародейская

Нефиктивная жена

<https://litres.ru/74227874>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Вы выйдете за меня. Фиктивно. На год.

Он — властный миллиардер, привыкший всё покупать. Я — архитектор без гроша в кармане, готовая на всё ради спасения больной матери. Столкновение на улице, контракт на год и взаимная ненависть — так началась наша сделка. Его мир — золотая клетка с охраной, мои чувства не предусмотрены договором.

Но у скелетов в шкафу нет срока давности. Моё тёмное прошлое и его вина за гибель любимой становятся разменной монетой в войне, где на кону — жизнь. Когда фиктивный брак превращается в настоящее чувство, а контракт трещит по швам, на арену выходит общий враг, готовый уничтожить нас обоих.

Смогут ли два сломленных одиночества бросить вызов судьбе или любовь — это самая опасная авантюра? Эмоциональная история о том, что настоящие чувства нельзя купить. Их можно только заслужить.

Содержание

Глава 1. Лед и пламя	4
Глава 2. Цена Вопросы	10
Глава 3. Подпись	17
Глава 4. Клетка с позолотой	25
Глава 5. Игры на публику	30
Глава 6. Бумажные стены	44
Глава 7. К прошлому	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Нефиктивная жена

Глава 1. Лед и пламя

Я бежала по лужам, прижимая к груди папку с документами, когда черный «Мерседес» обдал меня грязной водой с ног до головы.

— Твою ж... — вырвалось у меня. Платье, купленное на последние деньги ради собеседования, было убито. Я пнула колесо машины.

Дверца распахнулась.

Сначала я увидела ботинки. Ручной работы. Блестящие. Идеальные.

Затем — серые глаза, смотревшие на меня как на грязь под этими самыми ботинками.

— Повреждение имущества, — процедил он ледяным тоном. — Ты вообще знаешь, сколько стоит краска на этом крыле? Год твоей зарплаты, если ты, конечно, найдешь работу в этом... полотенце.

Я вспыхнула:

— Это не полотенце, а платье от Зары! И по вашей милости оно теперь похоже на... на тряпку!

— Разница невелика, — он достал бумажник. — Держи. Купи новое. Только не попадайся мне больше на глаза.

В меня полетела купюра. Это было последней каплей.

Но если бы я знала, что этот наглый, невыносимый хам и есть мой единственный шанс на спасение...

И что через два часа он скажет мне: «Ты выйдешь за меня».

Купюра намочла в луже. Я смотрела на профиль незнакомца, пока его водитель поспешно закрывал дверцу. Заднее стекло тонировано, но я кожей чувствовала, как эти серые прожигают меня насквозь. Презрение. Нет, даже не презрение — снисхождение.

«Мерседес» уехал бесшумно, словно хищник в ночь. Я осталась стоять с мокрым подолом, испорченным макияжем и жгучим желанием швырнуть эту треклятую бумажку ему в лобовое стекло.

Но правда была горькой. Мне нечем платить за квартиру. Мамин голос вчера по телефону дрожал: «Олечка, анализы плохие, врачи говорят, нужна срочная операция...»

Поэтому я сглотнула ком в горле, разгладила купюру и сунула в карман. Гордость не лечит больных. Гордость не оплачивает счета.

Через двадцать минут я стояла перед зеркалом в туалете бизнес-центра «Северная Башня», пытаюсь реанимировать платье бумажными полотенцами и молитвами. Выглядела я паршиво. Сойдет. Главное — резюме в папке. Архитектор-проектировщик с красным дипломом. Год в Берлине. Стажировка у мэтра. Сейчас это мой единственный шанс.

Вакансия была мечтой: компания «МироГрад», самый крупный девелопер в регионе. Конкурс — сто человек на место. Но HR сказала по телефону странную фразу: «Генеральный директор лично отбирает кандидатов в этот отдел».

Странно. Обычно гендиректорам плевать на рядовых архитекторов.

— Ковалёва Ольга? — секретарша смерила меня взглядом «ты-опоздала-на-пять-секунд». — Вас ждут. Кабинет сорок два.

Я сделала глубокий вдох. Открыла дверь.

Просторный кабинет. Панорамные окна. Запах кожи и че-

го-то цитрусового. В кресле спиной ко мне сидел мужчина и говорил по телефону:

— ...Нет. Этот объект мы сносим. Мне плевать на историческую ценность. Через месяц здесь будет котлован.

Голос. Этот голос я узнала бы из тысячи. Холодный, режущий, как скальпель. Тот самый.

Он повернулся.

Наши взгляды встретились. Я почувствовала, как земля ушла из-под ног.

— Вы?.. — выдохнула я.

— А, — он бросил трубку на рычаг. Губы тронула усмешка, от которой у меня мурашки побежали по спине. — Полотенце из «Зары». Проходи, не стой.

Сердце рухнуло в желудок.

— Я на собеседование, — сказала я, ненавидя себя за то, как жалко это прозвучало.

— Я в курсе, — он откинулся в кресле и сложил руки на

груди. — Но боюсь, вакансии уже закрыта.

— Но мне назначено время!

— Время назначено специалисту, а не девушке, которая пинает машины потенциальных работодателей. Ты вообще знаешь, кто я?

Я смотрела в его серые глаза и понимала — это конец. Он сейчас вышвырнет меня, как нашкодившего котенка, и моя мама не дождется операции.

— Роман Андреевич Градов, — прошептала я. — Владелец «МироГрада».

— Уже теплее, — он медленно поднялся и обошел стол. Оказался выше меня на голову. Шире в плечах. Опаснее. — И раз ты такая смелая... Знаешь, что я предлагаю тем, кто мне задолжал?

— Я ничего вам не должна!

— Правда? А покоцанное крыло моего S-класса? Не хочешь оплатить ремонт?

Я застыла. Цифры проносились в голове. Десятки, если не

сотни тысяч рублей. Неподъемно.

— Я... отработаю, — слова вылетели раньше, чем я успела подумать.

Он замер. Внимательно посмотрел на меня — словно сканировал. От макушки до пят. А потом выдал такое, от чего у меня подогнулись колени:

— Отработаешь. Но не архитектором.

Пауза.

— Выйдешь за меня замуж. Фиктивно. На год.

Глава 2. Цена Вопросы

Я стояла перед ним, не в силах пошевелиться. Слова застряли в горле.

— Что вы сказали?

Градов обогнул стол и нажал кнопку селектора:

— Ангелина, принеси контракт.

— Какой ещё контракт? — мой голос сорвался. — Я не собираюсь выходить за вас замуж! Вы сумасшедший!

Он посмотрел на меня так, словно я не заслуживала даже его внимания.

— Сядь.

— Не сяду!

— Сядь, — повторил он тоном, от которого ноги сами подогнулись, и я рухнула в кожаное кресло напротив. — А теперь слушай внимательно. Повторять я не люблю.

Вошла секретарша — та самая, что смирила меня взглядом в приёмной. Положила на стол пухлую папку с золотым тиснением «МироГрад» и бесшумно исчезла.

Градов раскрыл папку и подвинул ко мне. Пальцы у него были длинные, породистые — пальцы пианиста или хирурга.

— Пункт первый. Срок — двенадцать месяцев. Пункт второй. Публичное поведение: ты посещаешь со мной мероприятия, улыбаешься, держишь за руку. Никаких скандалов. Пункт третий. Ты живёшь в моём доме. Пункт четвёртый. Никаких отношений на стороне в течение срока действия контракта.

— То есть я должна стать вашей рабыней?

— Ты должна стать моей женой. На бумаге, — он выделил последние слова. — Спальни у нас разные. Можешь не переживать, твоя добродетель в безопасности. Ты не в моём вкусе.

Это почему-то задело сильнее, чем всё остальное.

— А что взамен?

— А взамен, — он перевернул страницу, — я оплачиваю лечение твоей матери. Полностью. Лучшая клиника в Германии. Ты получаешь ежемесячное содержание в размере пятисот тысяч рублей. По истечении срока — бонус: квартира в центре города. И развод без раздела имущества.

У меня перехватило дыхание. Цифры, которые он называл, были космическими. Мамина операция. Квартира. Будущее без долгов. Всё, о чём я боялась даже мечтать.

— Почему я? — спросила я тихо.

Он помолчал. Прошёлся к окну, сунул руки в карманы брюк.

— Мне тридцать четыре. Совет директоров считает, что холостой гендиректор — угроза репутации компании. Им нужна стабильная картинка. Жена-архитектор, а не фотомодель — идеальный вариант. Ты не будешь задавать лишних вопросов. У тебя нет связей. Ты никто.

«Ты никто». Два слова — как пощёчина.

— А если я откажусь?

Он повернулся. В серых глазах мелькнуло что-то хищное.

— Тогда крыло моего автомобиля обойдётся тебе в двести сорок тысяч рублей. Плюс судебные издержки. И твоя мама никогда не получит операцию.

— Вы не посмеете...

— Посмею, — он чуть наклонил голову. — Я всегда получаю то, что хочу, Оля. Запомни это.

Я смотрела в его совершенное, высеченное из мрамора лицо и ненавидела. Ненавидела за шантаж. За деньги. За то, что он прав, а у меня нет выбора. За то, что моё сердце стучало быстрее, когда он смотрел на меня.

— У меня условие, — сказала я, сжимая подлокотники.

Он удивлённо приподнял бровь:

— Ты торгуешься?

— Да.

— Какое?

— Вы не трогаете меня. Физически. Никаких прикоснове-

ний без моего разрешения. Никаких «супружеских обязанностей». Я не продаюсь в постель.

Градов усмехнулся краешком губ. Это была первая почти человеческая эмоция, которую я у него увидела.

— Замётано, — сказал он и протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь — широкую, уверенную. Ладонь человека, который держит в руках весь город. Сделка с дьяволом.

Вдох. Выдох. Я вложила свои пальцы в его.

Рукопожатие было крепким и неожиданно тёплым. Искра пробежала от запястья до самого плеча. Я вздрогнула и отдёргнула руку. Он заметил. Ничего не сказал.

— Контракт подпишешь завтра в присутствии юристов. Вещи можешь забирать. Машина будет ждать внизу в восемь вечера.

— Машина?

— Ты переезжаешь сегодня.

— Но...

— Пункт третий, помнишь? — он уже сел за стол и открыл ноутбук, давая понять, что разговор окончен. — Ты живёшь в моём доме. Привыкай.

Я вышла из кабинета на ватных ногах. Дверь закрылась за спиной, отрезая меня от прошлой жизни.

В коридоре стоял Артур — тот самый юрист. Он посмотрел на меня с тёплым сочувствием:

— Ольга? Я Артур, младший партнёр. Давайте провожу.

— Скажите, — я схватила его за рукав, — он всегда такой?

Артур помолчал. А потом ответил странно:

— Нет. Раньше он был другим. Пока не случилась трагедия.

— Какая?

— Это не моя история, извините. Просто... будьте с ним осторожны. Он ломает всё, к чему прикасается.

Я спускалась в лифте, чувствуя, как кольцо сжимается вокруг шеи. Невидимое. Холодное.

Контракт ещё не подписан. Но свобода уже закончилась.

Глава 3. Подпись

Юридический отдел «МироГрада» располагался на двадцать третьем этаже. Здесь пахло не кожей и цитрусом, как в кабинете Градова, а бумагой, офисной техникой и горьковатым кофе. Артур провёл меня через опенспейс, где клерки провожали нас любопытными взглядами — очевидно, слухи уже разлетелись.

— Сюда, — он открыл дверь в переговорную с прозрачными стенами.

Я вошла и замерла. На столе лежали три экземпляра контракта. Толщина каждого — сантиметра полтора, не меньше. Рядом — кожаная папка с гербом компании и хрустальный графин с водой.

— Это всё мне? — вырвалось у меня.

— Увы, — Артур виновато улыбнулся. — Роман Андреевич любит формальности.

Он выдвинул для меня стул. Я села, чувствуя себя приговорённой. Артур устроился напротив — не напротив, а чуть

сбоку, словно не хотел быть барьером между мной и дверью.

— Может, воды?

— Может, сразу виски?

Он тихо рассмеялся:

— После подписания. За счёт фирмы.

Я открыла контракт. Буквы прыгали перед глазами.

Пункт 2.1. Сторона-2 (Ковалёва О.С.) обязуется проживать по адресу, указанному Стороной-1 (Градов Р.А.), в течение всего срока действия договора.

Пункт 2.3. Сторона-2 обязуется сопровождать Сторону-1 на всех публичных мероприятиях, согласованных не менее чем за 24 часа.

Пункт 2.7. Сторона-2 не вступает в романтические отношения с третьими лицами.

Пункт 2.8. Любая информация, касающаяся личной жизни Стороны-1, является конфиденциальной.

— Пункт два-восемь, — прочитала я вслух. — То есть если он меня ударит, я должна молчать?

Артур напрягся.

— Роман Андреевич никогда... Он не такой.

— Откуда вы знаете? Вы видели его утром?

Артур отвёл взгляд. Поправил очки — нервный жест.

— Я работаю с ним шесть лет. Он жёсткий бизнесмен. Он может быть невыносимым. Но он никогда не причинит вам физического вреда. Даю слово.

Я хмыкнула и перевернула страницу. Финансовый раздел. Цифры, от которых кружилась голова. Ежемесячное пособие. Медицинская страховка для мамы. Компенсационный пакет при расторжении. Всё, что он обещал.

— А вот это что? — я ткнула пальцем в приложение.

Артур заглянул и помрачнел.

— А. Это... дополнительные условия на случай нарушения.

— Читать.

Он вздохнул:

— Если инициатором расторжения выступаете вы без уважительной причины, компенсационный пакет аннулируется, а понесённые расходы подлежат возврату в трёхкратном размере.

— Сколько?

Артур назвал сумму. У меня потемнело в глазах.

— Это больше, чем я заработаю за всю жизнь.

— Знаю.

Мы помолчали. Я смотрела на строчки, но видела только мамино лицо. Её усталые глаза. Трубки капельниц. Белые больничные стены.

— Артур, — позвала я тихо. — Можно вопрос не как юристу?

Он кивнул.

— Почему он такой? Что с ним случилось?

Артур долго молчал. Снял очки, протёр стёкла салфеткой. Потом сказал очень тихо, почти шёпотом:

— Шесть лет назад он был другим. У него была девушка. Алиса. Они собирались пожениться. А потом авария. Он был за рулём. Она погибла на месте.

Сердце сжалось.

— С тех пор он не подпускает к себе никого. Я думал, это навсегда. А потом появились вы.

— Я не появлялась, — возразила я. — Он меня купил.

Артур грустно улыбнулся:

— Знаете, если бы он просто хотел контракт, он мог выбрать кого угодно. Десяток девушек из агентств. Но он выбрал вас. Зачем-то.

Я не нашлась что ответить.

В этот момент завибрировал телефон. Не мой. Артур glanced на экран и изменился в лице.

— Роман Андреевич. Извините.

Он вышел в коридор. Я осталась одна с контрактом. Три экземпляра. Ловушка, расставленная человеком, который потерял всё и теперь не умеет иначе.

Через минуту Артур вернулся.

— Он спрашивает, подписали ли вы.

— Ещё нет.

— Он просил передать... — Артур замялся.

— Что?

— «Не тяни. У меня мало времени».

Я взяла ручку. Холодный металл. Золотое перо. Фирменная ручка «МироГрада» — наверняка дороже моего гардероба.

Вдох. Выдох. Штрих.

Подпись легла на бумагу — чужая, незнакомая, словно не моя рука выводила буквы. Три экземпляра. Три раза я продала себя.

Артур убрал папки в сейф.

— Поздравляю, — сказал он без тени улыбки. — Теперь вы — невеста Романа Градова.

Мой телефон пикинул. Незнакомый номер:

«Машина внизу. Жду. Не опаздывай. Р.»

Я посмотрела на сообщение и вдруг разозлилась. Не на него — на себя. За то, что сердце сжалось от одного слова «Жду».

— Артур, скажите честно: я совершаю ошибку?

Он взял мою руку, слегка сжал. Тёплая ладонь. Человеческая.

— Возможно. Но вы спасаете маму. Это не может быть ошибкой.

Я кивнула. Встала. Расправила плечи.

— Спасибо вам.

— Берегите себя, Оля. Вы ему нужны. Даже если он сам этого ещё не понял.

Я вышла в коридор. Лифт ждал. Створки сомкнулись, и я поехала вниз — в новую жизнь, где у меня был миллионер-жених, контракт на год и ни грамма свободы.

Внизу, у стеклянных дверей, уже стоял чёрный «Мерседес» с открытой задней дверцей. Из салона на меня смотрели серые глаза — холодные, как февральский лёд.

— Садись, — сказал Градов. — Поговорим по дороге.

Я села.

Дверца захлопнулась, отрезая меня от остального мира.

Глава 4. Клетка с позолотой

Особняк Градова находился в сорока минутах от центра — элитный посёлок «Серебряный Бор», где каждый дом прятался за вековыми соснами и трёхметровыми заборами. Я прилипла к стеклу, разглядывая проплывающие мимо особняки — один роскошнее другого, с колоннами, бассейнами и стеклянными фасадами.

Всю дорогу Градов молчал, уткнувшись в телефон. Я чувствовала его присутствие каждой клеткой — запах дорогого парфюма, едва уловимый скрип кожаного сиденья, когда он менял позу. Один раз наши колени почти соприкоснулись, и он резко отодвинулся, словно я была прокажённой.

Ворота открылись автоматически. «Мерседес» проехал по гравийной дорожке и остановился перед домом.

— Выходи, — бросил Градов.

Я вышла и замерла.

Это был не дом. Это был дворец. Три этажа из стекла и светлого камня, панорамные окна во всю стену, терраса с ви-

дом на залив. Архитектура — современный минимализм, но с каким-то холодным, почти музейным оттенком. Ни цветов, ни штор — только линии, углы и стекло.

— Нравится? — спросил Градов, поравнявшись со мной.

— Красиво. Но пусто.

Он дёрнул уголком рта:

— Мне так нравится.

В холле нас встретила женщина лет пятидесяти в строгом сером платье — экономка.

— Галина Петровна, — представил её Градов. — Если что-то понадобится — к ней. Твоя комната на втором этаже, восточное крыло. Вещи уже привезли.

— Какие вещи? Я ничего не собирала.

— Теперь не нужно. Я распорядился.

— Вы залезли в мою квартиру?! — я резко остановилась посреди лестницы.

— В мою квартиру, — поправил он. — Та, где ты жила, принадлежит компании «МироГрад». Я выкупил здание два года назад. Формально ты моя арендаторша. Была.

У меня перехватило дыхание. Даже мой дом — и тот оказался его собственностью. Паутина, в которую я попала, была сплетена задолго до нашего знакомства.

— Вы чудовище.

— Возможно, — он даже не обернулся. — Ужин в восемь. Не опаздывай. Я не люблю ждать.

Моя комната оказалась просторной, светлой и совершенно безликой. Гостиная спальня — дорогая мебель, бежевые тона, ни одной личной вещи. Зато шкаф был забит одеждой: платья, блузки, джинсы — всё моего размера и явно из бутиков, в которые я никогда не заходила. На туалетном столике — косметика, духи. В ванной — халат и тапочки с монограммой «Г».

Я села на край кровати и закрыла лицо руками. Мама. Операция. Год. Всего лишь год. Я справлюсь.

Ровно в восемь я спустилась в столовую. Градов уже сидел во главе длинного стола — один, в тёмно-синем свитере

(домашний, без галстука, и от этого почему-то ещё опаснее). Перед ним стояла чашка чёрного кофе и тарелка с чем-то, похожим на стейк.

— Садись, — он кивнул на стул справа.

Я села. Галина Петровна принесла мне ужин — лёгкий салат и рыбу на пару. Я не была голодна, но заставила себя съесть пару кусочков.

— Завтра у нас мероприятие, — сказал Градов, не поднимая глаз. — Благотворительный вечер фонда «Надежда». Будут журналисты. Твоя задача — улыбаться и не открывать рот без необходимости.

— То есть играть роль куклы?

— Именно, — он отрезал кусок мяса. — Ты быстро учишься.

Я стиснула вилку так, что побелели костяшки.

— А если кто-то спросит, как мы познакомились?

— Правду. Я нанял тебя на работу. Ты архитектор. Мы встретились на объекте. Романтическая версия уже готова,

получишь текст завтра утром. Выучи наизусть.

— Может, мне ещё расписаться кровью?

Он поднял глаза. Впервые за весь вечер посмотрел прямо.

— Послушай, — сказал он тихо, и это «послушай» было страшнее любого крика. — Ты здесь не в гостях. Ты подписала контракт. Если тебя что-то не устраивает — дверь открыта. Но твоя мама останется без операции. Выбор за тобой.

Я молчала. Потому что ответить было нечего. Он знал, на что давит. Он всегда знал.

— Вот и славно, — он поднялся. — Завтрак в семь. Платье привезут к десяти. Выезд в восемнадцать ноль-ноль. Не опаздывай.

И ушёл. Растворился в глубине своего стеклянного дворца, оставив меня одну за огромным столом, под светом хрустальной люстры.

Я сидела и смотрела на его нетронутый кофе.

Кольцо на пальце ещё не появилось. Но цепи уже звенели.

Глава 5. Игры на публику

Платье привезли ровно в десять утра.

Я открыла дверь и обнаружила в коридоре трёх человек: стилиста с чемоданом косметики, девушку с вешалкой в чехле и курьера с бархатной коробочкой. Все трое смотрели на меня так, словно я была манекеном, который им предстояло одеть.

— Ольга Сергеевна? — стилист, молодой парень с идеальной укладкой, шагнул вперёд. — Меня зовут Марк. Роман Андреевич прислал. У нас четыре часа. Начинаем?

— Четыре часа? — я отступила, пропуская процессию в комнату. — Что можно делать четыре часа?

Марк окинул меня профессиональным взглядом и усмехнулся:

— Из вас — конфетку.

Было обидно, но я промолчала.

Девушка повесила чехол на шкаф и расстегнула молнию. Я ахнула. Платье было чёрным, длинным, с открытыми плечами и тончайшим кружевом по подолу. Дорогое. Очень дорогое. То, в котором не стыдно стоять рядом с человеком, владеющим половиной города.

— Это... мне?

— По распоряжению Романа Андреевича, — подтвердил Марк. — Садитесь. Сначала лицо.

Я села перед зеркалом и на следующие три часа превратилась в холст. Меня красили, укладывали, подкалывали, заставляли вставать, садиться, поворачиваться. Принесли туфли — чёрные лодочки на шпильке, в которых я боялась сделать шаг. Бархатная коробочка оказалась с бриллиантовыми серьгами — тонкими, изящными, явно взятыми напрокат или купленными специально для этого вечера.

Когда Марк наконец отошёл в сторону и сказал: «Готово», я посмотрела в зеркало и не узнала себя.

Оттуда смотрела женщина. Холёная, уверенная, с идеальной укладкой и макияжем, который подчёркивал глаза так, что они казались огромными. Чёрное платье обнимало фигуру, как вторая кожа. Бриллианты мерцали в ушах, ловя свет.

— Ничего себе, — выдохнула я.

— Вот именно, — Марк довольно улыбнулся. — Роман Андреевич умеет выбирать.

— Платье?

— Не только, — он вдруг осёкся, словно сказал лишнее.
— Ладно, мне пора. Удачи.

Он исчез так же стремительно, как и появился. Я осталась одна перед зеркалом, разглядывая незнакомку в отражении. Интересно, что бы сказала мама, если бы увидела меня сейчас? «Олечка, ты как голливудская звезда». Или: «Будь осторожна, дочка. Красивая обёртка — не всегда подарок».

В дверь постучали.

— Войдите.

Это был Градов.

Он замер на пороге, и я впервые увидела, как у него сбилось дыхание. Всего на секунду. Всего на один короткий миг его серые глаза расширились, а челюсть чуть сжалась. Потом

он снова стал собой — холодным, невозмутимым.

— Сойдёт, — бросил он. — Машина вниз.

«Сойдёт». Я чуть не рассмеялась. Конечно. От него не ждёшься большего.

Но когда он повернулся, чтобы уйти, я заметила, как пальцы его правой руки сжались в кулак и тут же разжались. Словно он боролся с желанием что-то сказать. Или сделать.

Благотворительный вечер проходил в «Имперiale» — старинном особняке в центре города, превращённом в элитную event-площадку. Мраморная лестница, хрустальные люстры, официанты с шампанским — всё как в кино. Только в кино я была зрителем, а здесь — участницей.

Градов держал меня под локоть. Прикосновение было лёгким, формальным, но я кожей чувствовала тепло его пальцев сквозь тонкую ткань платья. Мы поднимались по лестнице, и я ловила на себе взгляды — оценивающие, любопытные, завистливые. Женщины рассматривали платье. Мужчины — меня. Или, может быть, им было интересно, кого это привёл сам Градов.

— Улыбайся, — процедил он сквозь зубы, не поворачивая

головы. — Ты на работе.

Я улыбнулась. Мышцы лица свело, но я держалась.

В зале нас встретили организаторы — немолодая пара, фамилию которых я тут же забыла. Градов представил меня как «Ольгу, моего архитектора и спутницу». Ни слова о контракте, ни слова о помолвке. Просто «спутницу». Туманно. Двусмысленно.

— Рада познакомиться, — пропела я, пожимая руки.

Градов покосился на меня с лёгким удивлением. Видимо, не ожидал, что я умею играть роль.

— Шампанского? — спросил он, когда мы отошли.

— Я не пью.

— Правильно, — он взял бокал для себя. — Здесь нужно сохранять трезвую голову.

Мы двигались по залу, и я чувствовала себя экспонатом на выставке. Градов останавливался, здоровался, обменивался парой фраз с какими-то важными людьми. Меня представляли. Я улыбалась. Кивала. Говорила: «Очень приятно». Че-

рез полчаса я уже ненавидела слово «приятно».

А потом я увидела её.

Она стояла у бара — высокая блондинка в алом платье, которое облегалo фигуру так откровенно, что у меня покраснели бы щёки. Ноги от ушей, губы бантиком, взгляд — как у кошки, загнавшей мышь в угол. Карина. Я узнала её сразу, хотя никогда не видела. Просто почувствовала — вот она, та самая бывшая, о которой говорил Артур. Или не та самая? Может, после Алисы были и другие. Но эта явно претендовала на роль главной женщины в жизни Градова.

— Рома-ан, — протянула она, приближаясь плавной походкой. — Не представишь меня своей... спутнице?

Градов напрягся. Я почувствовала это физически — его пальцы на моём локте сжались чуть крепче.

— Карина, — кивнул он сухо. — Это Ольга. Ольга, это Карина. Старая знакомая.

— Старая? — Карина рассмеялась серебристым смехом, от которого у меня зазвенело в ушах. — Рома, мы расстались всего полгода назад. Это называется «недавняя».

— Это называется «закрытая тема», — отрезал он.

Но Карину было не остановить. Она обошла меня по кругу, разглядывая, как товар на витрине. Я стояла, выпрямив спину, и молилась, чтобы каблуки не подвели.

— Милое платье, — произнесла она наконец. — Прошлогонья коллекция, если не ошибаюсь? У Валентино была такая линейка. Но тебе идёт. Правда, Рома? Ей идёт прошлогоннее?

Я видела, как желваки заходили на скулах Градова. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но я опередила его.

— Вы правы, — сказала я спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Прошлогонья. Но знаете, что интересно? Настоящий стиль не имеет срока годности. Как и настоящие чувства. А вот копии... они всегда выдают себя. Особенно когда слишком стараются.

Карина замерла. На её лице промелькнула целая гамма эмоций — от удивления до ярости. Она явно не ожидала, что «серая мышь» умеет кусаться.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что рада знакомству, — я мило улыбнулась и взяла Градова под руку. — Дорогой, кажется, нас ждут организаторы.

Градов посмотрел на меня. В его серых глазах мелькнуло что-то новое — не насмешка, не холод, а... интерес? Уважение? Я не успела понять.

— Да, — сказал он, и уголок его губ чуть дрогнул. — Пойдём.

Мы отошли, оставив Карину с открытым ртом и бокалом шампанского, который она сжимала так, что костяшки побелели.

— Где ты научилась так отвечать? — спросил Градов, когда мы отошли на безопасное расстояние.

— В университете. Там были девушки и похуже.

— У неё связи. Она может испортить тебе жизнь.

— У меня уже контракт с вами, — я пожала плечами. — Что может быть хуже?

Он вдруг остановился и развернул меня к себе. Встал так

близко, что я почувствовала запах его парфюма — горький, древесный, с нотками чего-то неуловимо опасного.

— Ты странная, — сказал он тихо. — Обычно меня бо-
ятся.

— А я не обычная.

— Я заметил.

Мы стояли посреди зала, среди сотен людей, но на секунду мне показалось, что мы одни. Что нет ни контракта, ни денег, ни больничных счетов. Есть только он и я, и это странное напряжение между нами, которое искрило, как оголённый провод.

— Роман Андреевич! — окликнули его. — Можно вас на минутку?

Мгновение прошло. Он отпустил мой локоть, лицо снова стало непроницаемым.

— Жди здесь. Я скоро.

И ушёл. А я осталась стоять с бешено колотящимся сердцем и вопросом, на который у меня не было ответа: что это

сейчас было?

Вечер подходил к концу. Я сидела за столиком в углу, скинув туфли под скатертью, и мечтала только об одном — снять это платье и лечь в кровать. Градов заканчивал разговор с каким-то седовласым мужчиной, судя по жестам — важным инвестором.

Передо мной возник официант:

— Прошу прощения, это вам.

Он поставил на стол бокал шампанского и записку. Я развернула бумажку.

«Не думай, что ты победила. Такие, как ты, здесь не задерживаются. Спроси у Ромы про Алису. Узнаешь, что он делает с теми, кто ему дорог. К.».

Я скомкала записку и сунула в клатч. Сердце сжалось. Алиса. Опять это имя. Девушка, которая погибла в аварии. Девушка, которую он любил. Девушка, которую он не смог спасти.

Что Карина имела в виду? Что он «делает» с теми, кто ему дорог?

— Ты готова?

Я вздрогнула. Градов стоял рядом, уже в пальто, и смотрел на меня сверху вниз.

— Да. Почти.

Я нащупала туфли под столом, обулась, встала. Он вдруг протянул руку и поправил прядь волос, упавшую мне на плечо. Жест был быстрым, почти незаметным, но моё сердце пропустило удар.

— Хорошо держалась, — сказал он сухо. — Поехали.

И пошёл к выходу. Я засемила следом, проклиная каблучки, записку в клатче и собственную глупость. Потому что в этот момент я поняла страшную вещь: я начинаю чувствовать то, что чувствовать нельзя.

Я начинаю интересоваться человеком, который меня купил.

Машина неслась по ночному городу. В салоне было темно и тихо. Градов смотрел в окно, я — в другое окно. Молчание было тяжёлым, но я не решалась его нарушить.

— Что она тебе сказала? — спросил он вдруг.

— Кто?

— Карина. Я видел записку.

Я помедлила.

— Ничего важного.

— Не ври.

Я повернулась к нему. Его профиль был жёстким, словно высеченным из камня. Уличные фонари скользили по лицу, сменяя тени и свет.

— Она спросила, знаю ли я про Алису.

Тишина. Долгая. Густая. Я слышала только шум шин по асфальту и стук собственного сердца.

— И что ты ответила? — его голос стал глухим, чужим.

— Я ничего не ответила. Потому что не знаю, что там было. И не хочу знать от Карины.

Он медленно повернул голову. Посмотрел на меня так, словно видел впервые.

— Почему?

— Потому что это ваше. Не моё.

Он долго молчал. Потом сказал — тихо, почти шёпотом:

— Ты странная, Оля.

— Вы уже говорили.

— Значит, это правда.

Машина свернула к воротам особняка. Фары выхватили из темноты стеклянный фасад, мокрые сосны, гравийную дорожку. Дом встретил нас тишиной и запахом дерева.

— Спокойной ночи, — сказал Градов, не глядя на меня.
— Завтра у тебя свободный день.

— Спокойной ночи, — ответила я.

Он поднялся по лестнице, не оборачиваясь. Я стояла в

холле и смотрела ему вслед. Широкая спина, чуть опущенные плечи — не поза победителя. Поза человека, который несёт на себе что-то тяжёлое. Что-то, о чём он не говорит.

Я поднялась в свою комнату. Сняла платье. Смыла макияж. Забралась под одеяло и уставилась в потолок.

В голове крутились три вещи.

Первая: Карина — опасная дрянь, и она не остановится.

Вторая: где-то в этом доме спит человек, который когда-то потерял всё.

Третья: я не должна думать о нём. Я не должна. Я подписала контракт. Чувства в контракт не входят.

Но засыпая, я почему-то видела не пункты договора, не деньги, не мамину операцию. Я видела серые глаза, которые на секунду стали тёплыми. Всего на секунду.

И это было страшнее всего.

Глава 6. Бумажные стены

Свободный день — звучало как издёвка.

Я проснулась в девять, спустилась к завтраку и обнаружила, что Градова уже нет. Галина Петровна сообщила, что Роман Андреевич уехал в офис в шесть утра и вернётся поздно. На столе меня ждал идеальный омлет, свежавыжатый сок и конверт.

В конверте лежала банковская карта и записка: «На расходы. Р.»

Ни «доброе утро», ни «как спалось». Две буквы. Расходы.

Я отодвинула конверт и принялась за завтрак. Есть не хотелось, но я заставила себя — мама всегда говорила, что пропускать приёмы пищи нельзя, даже когда на душе кошки скребут. Мама... Я достала телефон, набрала её номер. Гудки. Ещё гудки.

— Олечка! — её голос был слабым, но радостным. — Как ты, дочка?

— Хорошо, мам. Всё хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— Да нормально, — она закашлялась. — Врачи говорят, анализы получше.

— Мам, я договорилась. Тебя перевезут в хорошую клинику. В Германию. Скоро.

— Оля, откуда деньги? — в её голосе появилась тревога.
— Ты же не...

— Всё законно, — перебила я, ненавидя себя за ложь.
— Я получила должность в крупной компании. Хороший оклад. Соцпакет.

— Олечка... — она помолчала. — Ты ведь не делаешь глупостей?

— Нет, мам. Я просто работаю.

Мы поговорили ещё немного. Я слушала её голос, представляла больничную палату, белые стены, капельницу. И говорила себе: ради этого всё. Ради этого я здесь.

После разговора я попыталась заняться делами. Обследовала особняк — вернее, ту его часть, куда мне был разрешён

доступ. Восточное крыло, кухня, столовая, гостиная с камином, библиотека. Библиотека меня поразила: настоящие бу-
мажные книги, от пола до потолка, с лесенкой на рельсах.
Я провела пальцем по корешкам. Русская классика, англий-
ские детективы, архитектурные альбомы. Архитектурные! Я
вытащила тяжёлый том о современном градостроительстве
и устроилась в кресле у окна.

Так прошёл час. Потом другой. Тишина в особняке стояла
такая, что звенело в ушах. Галина Петровна бесшумно пере-
двигалась по дому, появляясь и исчезая, как призрак. Охра-
на где-то за воротами. Садовник возился с туями.

К вечеру я уже лезла на стены. Свободный день в золотой
клетке — это не свобода. Это одиночество с дорогим ремон-
том.

Я поужинала одна. Градов не вернулся ни к восьми, ни
к девяти, ни к десяти. Галина Петровна сказала, что у него
«совещание с акционерами», и я сделала вид, что мне всё
равно. Мне было всё равно. Почти.

В одиннадцать я поднялась в спальню. Приняла душ. На-
дела пижаму — обычную, старенькую, которую чудом не вы-
бросили вместе с остальными вещами. Забралась под одея-
ло.

Сон не шёл.

Я ворочалась, считала овец, вспоминала планировки зданий, которые проектировала в Берлине, — ничего не помогало. В голове крутился благотворительный вечер, лицо Карины, записка, глаза Градова, когда он поправил мне прядь волос.

И ещё — его голос. «Ты странная, Оля».

Я села в кровати. Часы показывали половину второго ночи. В горле пересохло. Я понимала, что можно позвонить Галине Петровне — у неё наверняка есть доступ к кухне в любое время. Но будить пожилую женщину из-за стакана воды казалось дикостью.

Я накинула халат, сунула ноги в тапочки и выскользнула в коридор.

В доме было темно. Только дежурное освещение — тусклые лампы вдоль плинтусов, которые обозначали путь к лестнице. Я двигалась почти на ощупь, стараясь не шуметь. Спустилась на первый этаж, миновала столовую, толкнула дверь кухни.

И замерла.

На кухне горел свет. Тёплый, приглушённый — лампа над барной стойкой. А за стойкой, спиной ко мне, стоял Градов.

Он был без пиджака. В одной рубашке, расстёгнутой на две верхние пуговицы. Рукава закатаны до локтей — я впервые видела его руки обнажёнными. Сильные предплечья, рельефные вены. В правой руке он держал стакан с чем-то тёмным. Виски, догадалась я.

— Не спится? — спросил он, не оборачиваясь.

Я вздрогнула. Как он узнал, что я здесь? Я ведь не издавала ни звука.

— Просто хотела воды, — сказала я, переступая порог. — Я не знала, что вы здесь.

— Я тоже не знал, что ты здесь, — он наконец обернулся. — Но слышал шаги. У тебя тяжёлая походка. Для архитектора — удивительно.

— Я не знала, что архитекторы должны ходить бесшумно.

— Не должны. Просто наблюдение, — он кивнул на бар-

ный стул. — Садись. Вода в графине.

Я села. Он подвинул ко мне графин и чистый стакан. Наши пальцы едва не соприкоснулись, и я отдёрнула руку быстрее, чем следовало. Он заметил. Ничего не сказал.

Я налила воды. Сделала глоток. Тишина повисла между нами — не такая напряжённая, как раньше, но всё ещё густая. Градов смотрел куда-то в окно, где за стеклом чернели сосны и далёкие огни посёлка.

— Совещание было долгим? — спросила я, просто чтобы что-то сказать.

— Совещания не было.

Я поперхнулась водой.

— Но Галина Петровна сказала...

— Я просил её так говорить, — он сделал глоток виски.
— Не хотел, чтобы ты знала.

— Что знала?

— Что я был у Алисы.

У меня перехватило дыхание. Он сказал это так просто. Так буднично. Словно не выворачивал передо мной кусок своей души.

— У Алисы? — переспросила я осторожно.

— На кладбище. Сегодня годовщина.

Я поставила стакан на стойку. Пальцы дрожали. Я не знала, что говорить. Не знала, можно ли вообще что-то говорить. Но молчать казалось преступлением.

— Мне очень жаль, — произнесла я тихо.

— Не надо, — он резко мотнул головой. — Я не для того сказал, чтобы ты жалела. Просто... надоело врать. Устал.

Он снова глотнул виски. Я смотрела на его профиль — острый, жёсткий, с тенью щетины на скулах. Весь день он был на ногах. Весь день носил маску. И вот сейчас, в половине второго ночи, маска дала трещину.

— Карина написала мне вчера, — сказала я вдруг.

Он повернулся:

— Что?

— Записка. Которую передал официант. Я не сказала вам всего.

— Что там было?

Я сглотнула и процитировала по памяти:

— «Не думай, что ты победила. Такие, как ты, здесь не задерживаются. Спроси у Ромы про Алису. Узнаешь, что он делает с теми, кто ему дорог».

Градов замер. Потом медленно, очень медленно поставил стакан на стойку. Звук стекла о мрамор прозвучал как выстрел.

— Она так написала?

— Да.

— Я убью её, — сказал он без всякого выражения. — Не в переносном смысле. Я уничтожу её. Сотру в порошок.

— Не надо, — я впервые сама потянулась к нему. Накрыла

его ладонь своей. — Она просто мстит. Это того не стоит.

Он посмотрел на наши руки. На мои пальцы поверх его. А потом поднял глаза на меня. В них было столько всего — боль, гнев, что-то ещё, чему я не знала названия.

— Ты не боишься меня? — спросил он хрипло.

— Нет.

— Зря.

— Наверное.

Он не убрал руку. Я тоже. Так мы и сидели в полумраке кухни — он с виски, я с водой, и наши пальцы соприкасались на холодной мраморной стойке.

— Хочешь знать про Алису? — спросил он.

— Только если вы хотите рассказать.

Он помолчал. Потом заговорил — глухо, глядя не на меня, а в тёмное окно.

— Мы были вместе три года. Она была художницей. Рисо-

вала акварели. Смешная, лёгкая. Всё время смеялась. Я был другим тогда. Молодым, самоуверенным. Думал, весь мир у моих ног. В тот вечер мы возвращались из ресторана. Был дождь. Я вёл машину. Слишком быстро. Она просила сбавить скорость, а я только смеялся. Сказал: «Не бойся, я всё контролирую».

Он замолчал. Я не дышала.

— Я не контролировал. Мокрая дорога, поворот, встречная фура. Я выжил. Она — нет. Погибла на месте. Мне сказали потом, что она даже не мучилась. Но я-то знаю. Я видел.

— Роман... — я не заметила, как назвала его по имени. Без отчества. Просто по имени.

— Три года я не садился за руль, — продолжил он. — Три года пил. Потом отец умер, компания досталась мне. Я решил, что наказание — это не алкоголь. Наказание — это жить дальше. Работать. Строить. Но никого не подпускать близко. Потому что все, кого я люблю, умирают.

Он наконец посмотрел на меня:

— Теперь ты понимаешь, почему контракт — это лучшее, что я могу тебе предложить?

— Понимаю, — прошептала я.

— Близость — это смерть. Дистанция — это безопасность. Для всех.

Мы молчали. Его ладонь всё ещё была под моей. Я чувствовала тепло его кожи, и мне хотелось сжать пальцы крепче, но я не решалась.

— Почему вы мне это рассказали? — спросила я.

— Потому что ты спросила, — он грустно усмехнулся. — И потому что ты странная. Я уже говорил.

— А почему я странная?

— Потому что ты смотришь на меня не как на чековую книжку. И не как на монстра. Как-то... иначе.

— Может, я вижу то, что вы прячете, — сказала я тихо.

— И что же ты видишь?

— Человека. Которому очень больно. Который боится снова потерять. И который построил вокруг себя стеклянную

стену, но забыл, что стекло прозрачное.

Он долго смотрел на меня. А потом сделал то, чего я совершенно не ожидала: улыбнулся. Не усмехнулся, не скривился — улыбнулся. Уголки губ дрогнули, в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Архитектор, — сказал он. — Ты и правда видишь стены насквозь.

— Это профессиональное.

Мы ещё немного посидели. Он допил виски. Я допила воду. Где-то в доме часы пробили два.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра у тебя первый рабочий день.

— Рабочий?

— Ты думала, я позволю тебе сидеть без дела? У меня проект нового жилого квартала. Нужен свежий взгляд. Ты архитектор — будешь работать.

— Правда?

— Я не шучу насчёт работы. Никогда, — он поднялся, взял пиджак со спинки стула. — В девять утра в офисе. Артур введёт в курс дела.

— Я приду.

Он направился к двери, но на пороге обернулся:

— Оля.

— Да?

— То, что ты сказала... про стеклянную стену, — он помолчал. — Никто раньше не говорил мне такого. Никто не пытался заглянуть.

— Может, они просто боялись разбить стекло.

— А ты нет?

— Я архитектор, — повторила я. — Я знаю, где у стен слабые места.

Он кивнул — медленно, задумчиво. И вышел.

Я осталась одна на кухне. За окном шумели сосны. Вода

в графине дрожала от моих пальцев. Я подумала о том, что только что случилось: он рассказал мне то, чего не рассказывал никому. Он улыбнулся мне. Он назвал меня по имени — не «Ковалёва», не «ты», а «Оля».

Это ничего не значит, сказала я себе. Это просто разговор. Просто два человека, которым не спалось. Просто виски и вода в половине второго ночи.

Но когда я поднималась по лестнице в свою спальню, я знала: что-то изменилось. Что-то сдвинулось. Бумажные стены нашего контракта дали первую трещину.

И самое страшное — я не хотела их чинить.

Глава 7. К прошлому

Рабочий день начинался в девять, но я проснулась в шесть. Не от будильника — от внутреннего звоночка, который твердил: «Мама. Сегодня. Поезжай к маме».

За завтраком Градова уже не было — Галина Петровна сообщила, что Роман Андреевич уехал в офис в начале седьмого. Я почувствовала укол разочарования и тут же разозлилась на себя. Какая разница, во сколько он уехал? Какая разница, увижу ли я его за завтраком? Не должно быть никакой разницы.

Но она была.

Я быстро позавтракала, поднялась в комнату, переоделась в своё — простое синее платье, которое чудом уцелело при переезде. Никаких бриллиантов, никаких дизайнерских туфель. Обычная Оля Ковалёва, которая едет к маме в больницу.

Охране у ворот я сказала, что мне нужно в город по делам. Охранник — молодой парень по имени Денис — запросил разрешение у Градова. Я затаила дыхание. Через минуту он

кивнул:

— Роман Андреевич разрешил. Машина подана.

— Спасибо.

Я села в чёрный седан — не тот «Мерседес», на котором мы ездили на вечер, а попроще, с водителем средних лет, который представился Михаилом. Мы выехали за ворота, и я почувствовала, как отпускает невидимый обруч, сжимавший грудь всё это время.

— Куда едем? — спросил Михаил.

— Городская больница номер семь. На Заречной.

Он кивнул и ввёл адрес в навигатор.

Мы ехали через город, и я смотрела в окно на знакомые улицы. Вот кафе, где я когда-то отмечала защиту диплома. Вот книжный магазин, в который мы ходили с мамой по выходным. Вот парк, где я гуляла с однокурсниками. Проплавленная жизнь. Простая, бедная, но свободная. Сейчас я ехала в больницу на машине с водителем, с банковской картой в сумочке и контрактом, который делал меня собственностью человека с серыми глазами. Свобода или её иллюзия — что

лучше? Я не знала ответа.

Больница встретила меня привычным запахом — хлорка, лекарства, что-то неуловимо казённое. Я поднялась на третий этаж, в отделение терапии. Медсестра на посту узнала меня и кивнула:

— Ковалёва? Ваша мама в седьмой палате. Только недолго, у неё процедуры через час.

— Спасибо.

Я толкнула дверь палаты и вошла.

Мама лежала у окна. Худенькая, бледная, с тёмными кругами под глазами, но когда она увидела меня — улыбнулась. И в этой улыбке было столько света, что у меня защипало в глазах.

— Олечка! — она приподнялась на подушках. — Ты чего не предупредила?

— Сюрприз, — я наклонилась, обняла её. Почувствовала родной запах — лавандовое мыло, которое она всегда покупала, и что-то ещё, неуловимо домашнее. — Как ты, мам?

— Да как все, — она махнула рукой. — Капельницы, уколы, анализы. Скука смертная. Ты лучше расскажи — как работа? Что за компания? Тебя не обижают?

— Всё хорошо, — я села на край кровати, взяла её руку. — Компания большая, серьёзная. Проекты интересные. Начальник... строгий, но справедливый.

— А платят хорошо?

— Очень хорошо, мам. Я же говорила — скоро тебя перевезут в Германию. Там лучшие врачи.

Мама посмотрела на меня внимательно. Слишком внимательно. Она всегда так смотрела — словно видела насквозь все мои попытки скрыть правду.

— Оля, — сказала она тихо. — Откуда такие деньги? Ты ведь только устроилась.

— Я же говорю — компания...

— Компании не платят столько новичкам. Даже в Москве. Даже в «Газпроме».

Я молчала. Врать маме было невыносимо, но правда была

ещё невыносимее. «Мам, я подписала контракт с миллиардером, который купил меня на год, как вещь. Я живу в его доме, ношу его платья и улыбаюсь на публику. А взамен он оплатит твою операцию». Как это сказать? Как?

— Мам, — я сжала её ладонь. — Я не могу рассказать всего. Просто поверь: всё законно. Всё по-честному. Я никого не убила и ничего не украла.

— А душу? — спросила мама.

— Что?

— Душу ты не продала?

Я замерла. Откуда она знала? Нет, не знала — чувствовала. Материнское сердце — самый точный детектор лжи.

— Нет, мам. Душу я не продала. Я просто... заключила сделку. Взрослую. Осознанную. Через год всё закончится, и мы с тобой уедем. Куда захочешь. Хоть в Берлин, хоть в Париж. Я спроектирую для нас дом. Самый красивый.

Мама долго смотрела на меня. Потом вздохнула:

— Ты всегда была сильной. Сильнее меня. Но сила — это

не всегда хорошо, дочка. Иногда нужно уметь быть слабой. Просить о помощи. Не взваливать всё на себя.

— Я справлюсь.

— Знаю. Поэтому и боюсь.

Мы помолчали. За окном больничной палаты плыли облака — белые, пушистые, совсем не похожие на те тучи, что собирались в моей жизни.

— Мам, — сказала я, меняя тему. — А помнишь нашу квартиру на Садовой? Как мы там жили, когда папа ещё был с нами?

Она напряглась. Тема отца всегда была болезненной.

— Помню. А что?

— Просто вспомнила. Он ведь бросил нас, когда мне было семнадцать, да?

— Да. Собрал вещи и ушёл. К другой женщине. Я тебе рассказывала.

— Рассказывала, — кивнула я. — А что было потом? По-

сле того как он ушёл?

Мама отвернулась к окну.

— Ты знаешь. Был сложный год. Я болела. Ты заканчивала школу. А потом...

— А потом авария, — закончила я.

— Оля, не надо.

— Мам, это было десять лет назад. Я уже взрослая. Я могу говорить об этом.

— Я не могу, — её голос дрогнул. — Я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, когда вспоминаю тот звонок. «Ваша дочь попала в аварию. Пешеход скончался на месте». Я думала, что потеряю тебя.

— Но не потеряла.

— Потому что тот адвокат помог. Помнишь его? Высокий такой, с усами. Он сказал, что дело закроют. Что ты не виновата — там был пьяный водитель. Но всё равно... — она всхлипнула. — Та девочка. Ей было всего двадцать. Студентка. А ты сидела за рулём.

— Я знаю, мам.

Мы замолчали. Эта история всегда стояла между нами невидимой стеной. Десять лет назад я сбила человека. Это была случайность — на перекрёсток вылетел пьяный водитель, я попыталась уйти от столкновения, меня занесло на тротуар. Девушка, которая шла по тротуару, не успела отскочить. Следствие установило, что моей вины не было — виноват тот пьяный идиот, который спровоцировал аварию. Но от этого было не легче. Человек погиб. А я осталась жить.

— Зачем ты вспомнила об этом? — спросила мама.

— Не знаю. Просто иногда кажется, что прошлое не отпускает. Что оно всегда рядом. Дышит в затылок.

— Отпускает, — мама погладила мою руку. — Обязательно отпускает. Просто нужно время. И прощение.

— Чьё?

— Своё собственное.

В палату заглянула медсестра:

— Ковалёва, процедуры через пятнадцать минут. Заканчивайте.

— Да, конечно, — я поднялась. — Мам, я скоро приеду. Как только смогу.

— Береги себя, дочка.

— Ты тоже.

Я поцеловала её в лоб, вдохнула запах лаванды и вышла. В коридоре прислонилась к стене и закрыла глаза. Десять лет. Десять лет я не говорила об этом. Десять лет гнала от себя воспоминания о мокром асфальте, скрежете металла и чужой крови. И вот сейчас, в больнице, рядом с мамой, прошлое снова подняло голову. Почему? Что его разбудило?

Может, разговор с Градовым? Его история об Алисе? Его слова: «Все, кого я люблю, умирают»?

Я тряхнула головой и пошла к выходу.

Михаил ждал меня у машины. Он распахнул дверцу, я села, и мы поехали обратно. Я думала о том, как попасть в офис к девяти. Времени ещё было достаточно, но нужно заехать домой — переодеться во что-то более подходящее для пер-

вого рабочего дня. Костюм, туфли, никаких синих платиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.